

Коллектив авторов

**Народная энциклопедия научных и
прикладных знаний**

Том 7. Языкознание и история литературы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 030
ББК 92
К60

К60 **Коллектив авторов**
Народная энциклопедия научных и прикладных знаний: Том 7. Языкознание и история литературы / Коллектив авторов –
М.: Книга по Требованию, 2021. – 704 с.

ISBN 978-5-458-07585-5

ISBN 978-5-458-07585-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

	Стр.	Стр.
2. Исторія русской литературы.		
I. Отличительныя черты русской литературы.	368	совъ, Плещеевъ, Надсонъ, Никитинъ, Шевченко. 493
II. Народная поэзія: пѣсни, сказки, заговоры, пословицы	371	XVI. Русская лирика во второй половинѣ XIX вѣка: гр. А. Толстой, Майковъ, Полонскій, Фетъ. 504
III. Народная поэзія: былевой эпосъ.	381	XVII. Исторія русской критики. 513
IV. Важнѣйшія явленія древняго періода русской литературы отъ XI до XVI вѣка.	388	XVIII. Исторія русской журналистики. 523
V. Средній періодъ русской литературы: а) отъ конца XV до Петра Великаго и б) отъ Петра Великаго до начала XIX вѣка.	400	XIX. Исторія русской цензуры. 529
VI. Начало новаго періода русской литературы: отъ конца XVIII вѣка до Пушкина	408	XX. Исторія русского театра въ связи съ исторіей русскаго драматическаго творчества. а) Начало русскаго театра и его устройство. 535
VII. А. С. Пушкинъ (1799—1837 г.).	417	XXI. Исторія русского театра въ связи съ исторіей русскаго драматическаго творчества. б) Исторія русской трагедіи, комедіи и драмы. 541
VIII. Н. В. Гоголь (1809—1852 г.). М. Ю. Лермонтовъ (1814—1841 г.).	429	XXII. Литературныя отраженія общественныхъ теченій во второй половинѣ XIX вѣка. а) Шестидесятые и семидесятые годы. 548
IX. Славянофилы и западники.	439	XXIII. Литературныя отраженія общественныхъ теченій во второй половинѣ XIX вѣка. б) Восемьдесятые и девяностые годы. 555
X. Крѣпостная Россія въ литературномъ освѣщеніи: Григоровичъ, Тургеневъ, Гончаровъ.	446	Библиографическія указанія къ статьямъ по исторіи русской литературы. 560
XI. Шестидесятые годы. Характеристика эпохи; роль журналистики; беллетристика: Чернышевскій, Помяловскій, Шеллеръ.	456	
XII. Семидесятые годы. Характеристика эпохи; народничество и его литературные представители: Глѣбъ Успенскій, Салтыковъ-Щедринъ, Гаршинъ, Михайловскій.	464	Малорусская (украинская) литература.
XIII. Л. Н. Толстой. Ф. М. Достоевскій.	473	I. Народная поэзія. Древняя литература. 563
XIV. Восемьдесятые и девяностые годы. Боборыкинъ, Чеховъ, Горькій, Короленко, какъ крупнѣйшіе представители литературныхъ теченій.	483	II. Первый періодъ новой украинской литературы. 571
XV. Русская лирика во второй половинѣ XIX вѣка: Некрасовъ, Плещеевъ, Надсонъ, Никитинъ, Шевченко.	493	III. Второй періодъ новой украинской литературы. 579
		Библиографія. 597
		Алфавитный указатель къ VII тому. 598
		Списокъ рисунковъ и портретовъ. 611

Предисловіе къ VII тому Народной Энциклопедіи.

Настоящій томъ относится къ тому отдѣлу Народной Энциклопедіи, который посвященъ наукамъ гуманитарнымъ или историко-филологическимъ. Это — науки о человѣкѣ и человѣчествѣ. Сюда относится наука о душевной жизни человека или психологія, наука о законахъ и формахъ человеческого мышленія или логика, исторія, исторія искусства и т. д.

Къ числу этихъ наукъ относится также наука о языкѣ и исторія литературы. Первая — наука о языкѣ — изучаетъ различные существующіе языки и старается выяснить, что такое языкъ, въ чемъ онъ состоитъ, какъ живетъ и развивается. Вторая наука — исторія литературы — представляетъ часть исторіи въ широкомъ смыслѣ этого слова: она изучаетъ произведенія человеческого духа, выраженные словомъ, въ этихъ произведеніяхъ болѣе, чѣмъ въ чемъ-либо иномъ, отражается духовная жизнь того или другого народа.

Языкъ и литература находятся въ тѣсной связи; въ художественной литературѣ, гдѣ въ словѣ воплощаются поэтическіе образы, очень трудно отдѣлить внѣшнюю форму, т.-е. языкъ, отъ внутренняго содержанія; красота формы является въ поэзіи столь же важной, сколько и содержаніе, и яркость образа зависитъ въ сильной мѣрѣ отъ того, насколько художникъ владѣетъ словомъ. Кромѣ того, языкъ подобно литературѣ, въ извѣстной степени является зеркаломъ духовной жизни народа. Онъ (т.-е. языкъ) растетъ и развивается параллельно росту и развитію духовной жизни человѣка или народа, въ немъ отражается ходъ этого развитія, перемѣны въ міросозерцаніи народа, культурныя сношенія съ другими народами и т. д. Исторія языка можетъ сказать намъ о духовной жизни народа, о степени его умственного развитія и его міросозерцанія въ тѣ времена, когда у него еще не зарождалась литература.

Такимъ образомъ соединеніе въ одномъ томѣ статей по языкознанію и статей по исторіи литературы вполне естественно.

Въ статьяхъ по языкознанію выяснены прежде всего вопросы, касающіеся языка вообще, его природы, жизни и законовъ измѣненія; затѣмъ исторически освѣщенъ нашъ русскій языкъ въ его отношеніяхъ къ другимъ языкамъ и въ его историческомъ развитіи. Въ отдѣлѣ исторіи литературы главнымъ предметомъ, конечно, является русская литература; но русская литература, какъ и историческая жизнь русскаго народа, не развивалась особнякомъ, а испытывала на себѣ разнообразныя вліянія западно-европейской жизни. Поэтому исторіи русской литературы предпосланы статьи, знакомящія читателя съ главными явленіями въ исторіи западно-европейскихъ литературъ.

Исторіей русской литературы первоначально предполагалось закончить томъ. Въ послѣдній моментъ, когда почти весь томъ уже готовъ былъ къ печати, рѣшено было къ нему присоединить отдѣльный краткій очеркъ малорусской (иначе украинской) литературы, — литературы второй по численности изъ трехъ вѣтвей русскаго племени. Этимъ измѣненіемъ плана объясняется то обстоятельство, что о малорусскихъ думахъ и о крупнѣйшемъ украинскомъ поэтѣ Шевченкѣ читатель найдетъ упоминаніе въ двухъ мѣстахъ: краткое — въ общемъ очеркѣ русской литературы и болѣе подробное — въ очеркѣ украинской литературы ¹⁾.

Въ составленіи статей VII тома принимали участіе: С. Г. Вилинскій, Н. Н. Дурново, П. С. Коганъ, С. М. Кульбакинъ, С. Ѳ. Руссова, Н. Н. Соколовъ, М. Р. Фасмеръ.

Общая редакція VII тома принадлежитъ проф. С. М. Кульбакину.

Членъ редакціонной комиссіи проф. С. М. Кульбакинъ.

¹⁾ Точка зрѣнія на малорусскій вопросъ, т.-е. на положеніе малорусскаго народа и языка въ славянской семьѣ, составительницы статей по малорусской литературѣ, первоначально высказанная во введеніи къ очерку этой литературы, была замѣнена точкой зрѣнія, которая проводилась редакціонной комиссіей во всемъ изданіи Народной Энциклопедіи: редакціонная комиссія, признавая вполне права малорусскаго народа на національно-культурное самоопредѣленіе, считаетъ его ближе стоящимъ къ великоруссамъ и бѣлоруссамъ, чѣмъ ко всемъ остальнымъ славянскимъ народамъ.

ЯЗЫКОЗНАНІЕ.

Человѣкъ чрезъ слово всемогучъ, —
Языкъ всѣмъ знаніямъ и всей при-
родѣ ключъ.

(Державинъ).

I. Языкъ и наука о языкѣ.

Наука, человѣческое знаніе охватываетъ все, что существуетъ въ мірѣ. Человѣкъ стремится познать, изучить и окружающую природу и свою собственную душевную жизнь.

И мертвыя глыбы камней, и красивая бабочка, весело порхающая по цвѣтамъ, вызываютъ въ человѣкѣ вопросы: что это, почему, откуда? Откуда, въ силу какихъ явленій, происшедшихъ въ природѣ, образовалась эта груда скалъ, какъ явилась въ природѣ эта бабочка, въ какомъ отношеніи она находится къ другимъ бабочкамъ, къ другимъ насѣкомымъ, жукамъ, букашкамъ, въ какомъ отношеніи всѣ эти насѣкомыя стоятъ къ птицамъ, четвероногимъ, наконецъ, къ человѣку?

Вопросъ родитъ вопросы; человѣческая мысль подымается къ облакамъ, стараясь разгадать величественную и грозную молнію, спускается въ морскія пучины и въ ихъ мракѣ разыскиваетъ новыхъ представителей растительнаго и животнаго царства.

Отъ міра природы, отъ минераловъ, растений и животныхъ, стоящихъ на различной ступени органической жизни, мысль человѣка восходитъ къ самому человѣку.

Какъ бы исполняя завѣтъ греческаго мудреца (Хилона): «познай самого себя», человѣкъ обращается къ изученію своего тѣла, къ изученію своей душевной жизни, къ изученію жизни общественной, исторической. Онъ изслѣдуетъ далекое прошлое человѣчества, узнаетъ, какъ жили тѣ или другіе народы, въ какихъ отношеніяхъ они находились другъ къ другу, изъ-за чего воевали, чѣмъ питались, во что вѣрили, кому молились.

Тысячи ученыхъ работали и работаютъ надъ этими вопросами, изучаютъ царство природы, изучаютъ исторію человѣчества, произведенія человѣческой литературы и человѣческаго искусства.

Выводы, къ которымъ они приходятъ, излагаются въ стройномъ порядкѣ, по опредѣленному плану и представляютъ рядъ наукъ, какъ физика, астрономія, ботаника, исторія и т. д.

Является вопросъ: существовали ли бы всѣ эти науки, всѣ эти разнообразныя отрасли человѣческаго знанія, если бы не было языка, при помощи котораго человѣкъ выражаетъ свои мысли? Конечно, нѣтъ. Если бы не было языка, то не только не было бы наукъ, но не было бы человѣческаго общества, не было бы самого человѣка, а было бы животное, которое умѣетъ чувствовать и желать, но не умѣетъ отвлеченно мыслить (ср. ниже).

Было бы странно поѣтому, если бы человѣкъ, изучая весь окружающій міръ и свою внутреннюю жизнь, оставилъ бы безъ изученія языкъ, который и является главнымъ признакомъ, отличающимъ его, человѣка, отъ животнаго.

Было бы странно, если бы человѣкъ, интересуясь вопросомъ, что такое бабочка, и что такое молнія, что такое человѣческое сердце, не поинтересовался вопросомъ, *что же такое языкъ*.

Каждому изъ насъ извѣстно выраженіе: *французскій языкъ, нѣмецкій языкъ, русскій языкъ*. Всѣ мы знаемъ, что различныя народы, живущіе въ Европѣ и другихъ странахъ свѣта, говорятъ каждый на своемъ языкѣ, что намъ, русскимъ, нужно учиться англійскому языку, чтобы понимать англичанина, а англичанину—учиться по-русски, чтобы понимать насъ.

Что же мы разумѣемъ подъ *языкомъ*, употребляя это выраженіе? Слово языкъ имѣетъ два значенія; когда мы говоримъ: «у васъ длинный языкъ», мы разумѣемъ извѣстную часть человѣческаго тѣла; когда же говоримъ: «я изучилъ французскій языкъ» мы разумѣемъ французскую рѣчь. Рѣчь состоитъ изъ словъ, слова изъ звуковъ; звуки же человѣческой рѣчи производятся посредствомъ выдыханія изъ гортани воздуха и движеній языка и губъ; въ виду того, что языкъ, т.-е. извѣстная часть нашего тѣла, принимаетъ наиболѣе видное участіе въ произнесеніи звуковъ, слово «языкъ» и получило еще другое значеніе—значеніе «рѣчь».

Что же такое *языкъ* или *рѣчь*? Французскій или нѣмецкій языкъ сильно отличаются отъ русскаго языка, но и французскій, и нѣмецкій, и англійскій языки имѣютъ нѣчто общее. Они различаются въ томъ, что обозначаютъ одинъ и тотъ же предметъ разными сочетаніями звуковъ: мы просимъ воды, французъ тотъ же предметъ называетъ: «*л—о*», нѣмецъ—«*вассер*».

Но всѣ эти языки сходны въ самомъ главномъ: всѣ они обозначаютъ предметы или наши понятія о предметахъ *словами*, т.-е.

сочетаніями звуковъ. Всѣ эти языки состоятъ изъ словъ, при чемъ слово есть сочетаніе звуковъ, имѣющее опредѣленный смыслъ, обозначающее человѣческое понятіе. Если мы скажемъ: «гррр»..., то это тоже будетъ сочетаніе звуковъ, но оно не представляетъ слова, такъ какъ не обозначаетъ понятія. Итакъ, подъ языкомъ или рѣчью мы разумѣемъ *совокупность или массу словъ, которыми тотъ или другой народъ выражаетъ свои мысли, свои понятія*,—словъ, состоящихъ изъ звуковъ.

Мы говоримъ встрѣчному знакомому: «у васъ по сосѣдству пожаръ», и онъ понимаетъ насъ и спѣшитъ домой. Нашу мысль мы передаемъ ему посредствомъ сочетаній звуковъ.

Ясно, что мы можемъ опредѣлить языкъ, *какъ средство выражать свои мысли, сообщать ихъ другому посредствомъ звуковъ.*

Различные народы употребляютъ для выраженія той же мысли о пожарѣ различные звуки, но всѣ языки сходятся въ томъ, что они пользуются, какъ средствомъ выраженія мыслей, звуками. Правда, существуетъ выраженіе «языкъ глухонѣмыхъ», хотя глухонѣмые объясняются другъ съ другомъ не при помощи звуковъ, не при помощи движеній языка и губъ, а при помощи движеній рукъ и пальцевъ. Но это уже — вторичное, неточное употребленіе слова «языкъ». Сперва слово «языкъ» обозначало только языкъ звуковъ, а потомъ всякое средство сообщать другъ другу свои мысли начали называть языкомъ, хотя бы и посредствомъ условныхъ знаковъ; такъ существуетъ языкъ сигналовъ: развернутый флагъ стрѣлочника сообщаетъ машинисту: «тише», свернутый — «путь свободенъ». Обычно, однако, подъ словомъ «языкъ» мы понимаемъ не языкъ движеній или условныхъ знаковъ, а языкъ звуковъ или рѣчь, въ которой мысли выражаются при помощи движеній языка, которую мы воспринимаемъ слухомъ. Этимъ-то звуковымъ языкомъ, состоящимъ изъ словъ изъ звуковыхъ знаковъ для нашихъ мыслей, и занимается *наука о языкѣ.*

Итакъ, языкомъ мы пользуемся для сообщенія другъ другу своихъ мыслей. Но мало того, языкомъ мы пользуемся для самаго мышленія. Если бы человѣкъ такъ или иначе, звуками или движеніями, не обозначалъ своихъ мыслей, то онъ не могъ бы и мыслить.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое *мышленіе*, которое отличаетъ человѣка отъ животнаго, въ чемъ оно состоитъ?

Человѣкъ, какъ и всякое животное, видитъ предметы, его окружающіе, въ его мозгу запечатлѣвается то, что онъ видитъ, такъ что онъ можетъ себѣ представить видѣнный предметъ, вспомнить его.

Каждый изъ насъ, увидѣвъ на улицѣ красивую вороную лошадь и прійдя домой, можетъ себѣ ее представить такою, какова она въ дѣйствительности, съ такимъ же цвѣтомъ шерсти, съ такой же красиво выгнутой шеей.

Такое представленіе объ единичномъ предметѣ еще не есть мышленіе; такія представленія, простой отпечатокъ въ памяти того, что мы видимъ, вѣроятно, есть и у животныхъ.

Тутъ нашъ мозгъ, наше сознаніе еще не проявляетъ никакой дѣятельности; оно, какъ зеркало, отражаетъ только то, что есть въ природѣ и жизни.

Мышленіе есть дѣятельность нашего сознанія, нашего ума; оно состоитъ въ томъ, что отдѣльные впечатлѣнія, отдѣльные представленія о предметахъ, которые мы видѣли, сравниваются нашимъ сознаніемъ, подмѣчается то общее, что въ нихъ есть. Мы видѣли вороную экипажную лошадь, видѣли бѣлую лошадь водовоза, видѣли гнѣдую лошадь извозчика.

Въ нашемъ мозгу есть точный отпечатокъ той, другой и третьей. Эти отпечатки отличаются другъ отъ друга тѣмъ же, чѣмъ всѣ эти три лошади отличаются въ дѣйствительности: одна лошадь рослая, красивая, вороная, другая худая, заморенная, бѣлая; одна красиво выгнула шею, другая понуро опустила голову.

Но несмотря на эти различія, есть между всѣми тремя отпечатками или представленіями и общее: всѣ три лошади имѣютъ четыре ноги, хвостъ, копыта, одинаковое строеніе тѣла, всѣ возьмутъ что-нибудь, всѣ ржутъ. Вотъ это общее, что отличаетъ всѣхъ лошадей отъ другихъ животныхъ, выдѣляется нашимъ сознаніемъ, мыслью нашей изъ всѣхъ разнообразныхъ отпечатковъ видѣнныхъ лошадей, и вотъ это-то общее, этотъ результатъ нашей сравнивающей мысли и есть — *понятіе*. Это понятіе обозначается словомъ *лошадь*. Слово *тутъ* является знакомъ для *понятія*.

Каждое представленіе объ единичномъ предметѣ представляетъ лишь простое отраженіе въ нашемъ сознаніи предмета, существующаго въ дѣйствительности, его отпечатокъ. Отпечатокъ, представленіе, существуетъ въ сознаніи, а предметъ — во внѣшнемъ мірѣ. Представленіе о предметѣ есть нѣчто духовное, а самый предметъ — тѣлесное или матеріальное. Его, этотъ предметъ, можно ощупать, а представленіе нельзя ни видѣть, ни слышать, ни ощупать. Представленію соотвѣтствуетъ предметъ, а понятію что соотвѣтствуетъ во внѣшнемъ мірѣ?

Есть ли въ мірѣ лошадь вообще, существо съ извѣстнымъ строеніемъ тѣла, хвостомъ, четырьмя ногами, копытами, но ни

высокаго роста, ни маленькая, ни ворона, ни гнѣдая, ни бѣлая безъ масти, ни худая, ни жирная, а такъ—вообще лошадь безъ такихъ признаковъ, качествъ, которыя имѣетъ какая-нибудь одна опредѣленная лошадь?—Нѣтъ, лошади вообще въ мірѣ внѣшнемъ нѣтъ, лошадь вообще существуетъ только въ умѣ человѣка, какъ его понятіе. *Это понятіе* есть нѣчто духовное, а нѣчто тѣлесное, *матеріальное*, что ему соотвѣтствуетъ во внѣшнемъ мірѣ,—это *слово*, которое обозначаетъ понятіе. Оно состоитъ изъ звуковъ, движеній языка, губъ, вдыханія воздуха, а это все—уже нѣчто тѣлесное. Только благодаря тому, что мы можемъ наши понятія обозначать словами, мы и можемъ мыслить, думать. Нашимъ понятіямъ, которыя есть нѣчто духовное, мы придаемъ форму тѣлесную, форму звуковъ, слова.

Когда мы думаемъ: *лошадь—полезное животное*, мы произносимъ обыкновенно про себя, мысленно эти слова, и въ этомъ и состоитъ наша мысль. А другіе люди какъ бы слышать мысленно эти слова, слышать, какъ они сами ихъ произносятъ.

Въ такомъ мысленномъ произношеніи словъ и состоитъ всякая отвлеченная мысль человѣка. Все, что мы думаемъ, мы мысленно произносимъ или мысленно слышимъ, т.-е. мышленіе человѣка представляетъ собою *внутреннюю рѣчь*. (Подробнѣе процессъ внутренней рѣчи будетъ разъясненъ ниже, въ VII главѣ).

Изъ этого ясно, что если бы не было словъ, то не было бы и отвлеченнаго мышленія. Если бы человѣкъ не умѣлъ говорить или обозначать свои понятія какими-нибудь другими знаками, то онъ не могъ бы и мыслить. Все сводилось бы къ тому, что онъ представлялъ бы себѣ то, что видѣлъ, не сравнивалъ бы, не замѣчалъ, что въ предметахъ сходно, и что различно. Не было бы ни мышленія, ни науки.

Когда мы установили, что языкъ или рѣчь **Языкъ—психическое явленіе.** есть средство или орудіе, при помощи котораго мы мыслимъ и выражаемъ свои мысли, то мы опредѣлили значеніе языка, его роль въ жизни человѣка. Но что такое языкъ по своей природѣ, въ чемъ состоятъ тѣ явленія, которыя образуютъ его? Природа языковыхъ явленій двойственна, языкъ состоитъ изъ явленій отчасти психическаго, т.-е. духовнаго, характера (греческое слово *психе* значитъ *душа*), отчасти изъ явленій физическаго характера (греческое *физис* значитъ *природа*). Одна сторона слова, а именно звуки, которые мы производимъ, произносимъ слова,—физическое (тѣлесное) явленіе, потому что звуки представляютъ собою извѣстной формы воздушныя волны (движеніе частицъ воздуха, его разрѣженіе и сгущеніе); другая сто-

рона, а именно то понятіе, которое этими звуками выражается, есть психическая или духовная сторона слова.

А такъ какъ языкъ состоитъ изъ словъ, то должно опредѣлить языкъ, какъ явленіе психофизическое, т.-е. наполовину духовное, наполовину физическое. Въ этомъ случаѣ языкъ и является характернымъ признакомъ человѣка, который также есть существо наполовину физическое, наполовину духовное, сліяніе духа и плоти.

Языкъ—плодъ че- Наконецъ, если опредѣлять языкъ, имѣя въ виду вопросъ, каково его происхожденіе, то мы должны сказать, что онъ не есть нѣчто при-

рожденное человѣку, нѣчто такое, что съ самаго начала человѣка отличало. Наоборотъ, языкъ представляетъ созданіе человѣка; постепенно выработанъ имъ самимъ. Наблюдая, какъ развивается постепенно ребенокъ, мы можемъ судить, какъ развивался когда-то въ отдаленныя времена изъ животнаго человѣкъ.

Ребенокъ, прежде чѣмъ научиться ходить, ползаетъ на четверенькахъ; можно думать поэтому, что и человѣкъ, прежде чѣмъ выучился ходить на двухъ ногахъ, ходилъ на четырехъ, подобно остальнымъ четвероногимъ. Точно такъ же, наблюдая духовное развитіе ребенка, мы видимъ, что онъ не рождается съ готовымъ языкомъ, первоначально онъ лишь выражаетъ чувство голода, боли, удовольствія—крикомъ.

Можно думать поэтому, что человѣкъ, какъ видъ животнаго, первоначально ничѣмъ почти не отличался отъ животнаго, онъ выражалъ крикомъ чувство боли, страха, радости, но у него не было понятій, не было и словъ для обозначенія этихъ понятій. Прошли тысячи лѣтъ, пока постепенно развилось его мышленіе, и сложился его языкъ. Сперва его мысль подмѣтила нѣчто общее между отдѣльными лошадьми, отдѣльными собаками, и явились слова для обозначенія лошади, собаки, дуба; позже онъ замѣтилъ нѣчто общее между лошадию и собакой, между дубомъ и березой; явились понятія *животное*, *дерево* и слова для этихъ понятій и т. д. Это развитіе языка и мысли шло медленно, въ теченіе многихъ столѣтій; такимъ образомъ языкъ есть *плодъ человеческой культуры* (человѣческой выработки), результатъ работы человѣческаго духа, какъ и искусство, музыка, умѣнье строить себѣ жилище, шить одежду и т. д.

То, что сказано выше, только въ извѣстной **Наука о языкѣ.** мѣрѣ, такъ сказать, предварительно выясняетъ понятіе «языкъ». Полное, всестороннее и ясное уразумѣніе этого понятія можетъ получиться только тогда, когда мы познакомимся съ самой наукой о языкѣ.

Наука о языкѣ называется также иначе языкознаніемъ или лингвистикой. Последнее слово происходитъ отъ латинскаго «lingua» (лингва), что значитъ языкъ.

Науку о языкѣ или лингвистику нужно отличать отъ практическаго изученія языковъ. Практическое изученіе одного или нѣсколькихъ языковъ имѣетъ житейскую цѣль: научиться понимать человѣка, говорящаго на данномъ, иностранномъ для насъ, языкѣ и самому выражать на этомъ языкѣ свои мысли. Для этого требуется извѣстный навыкъ и работа памяти. Цѣль науки о языкѣ—иная; языковѣдъ можетъ плохо владѣть практически языками и въ то же время быть прекраснымъ ученымъ, а иной человѣкъ, умѣя говорить на нѣсколькихъ языкахъ вполнѣ свободно, можетъ совсѣмъ не быть языковѣдомъ, не имѣть понятія о языкознаніи; цѣль науки о языкѣ, изучая отдѣльные языки, понять ихъ взаимное отношеніе, выяснить, изъ какихъ явленій складается человѣческій языкъ вообще, какъ онъ живетъ и измѣняется, какимъ законамъ подчиняется его развитіе.

Въ концѣ-концовъ эта наука и должна намъ дать полный отвѣтъ на вопросъ, что такое языкъ.

Отдѣльныя науки отличаются одна отъ другой. Мѣсто науки о языкѣ въ ряду какъ по предмету, который онѣ изучаютъ, такъ другихъ наукъ. и по «методу», т.-е. по приѣмамъ или способамъ, какими этотъ предметъ изслѣдуется.

Такъ, однѣ науки называются естественными, потому что изучаютъ «естество», а это слово встарину обозначало природу. Другія науки изучаютъ человѣка и его культуру, исторію и называются «гуманитарными» («гуманусъ» значитъ по-латыни «человѣческій»), или историко-культурными.

Къ какимъ же наукамъ нужно отнести науку о языкѣ—къ естественнымъ или къ гуманитарнымъ, т.-е. касающимся человѣка, къ историко-культурнымъ? Было время, когда относили науку о языкѣ къ числу естественныхъ, но это заблужденіе. Мы выяснили выше, что языкъ постепенно выработанъ самимъ человѣкомъ, что онъ—плодъ его «культуры», что языкъ развивается, какъ развивается самъ человѣкъ и человѣческое общество; мы выяснили, что языкъ тѣснѣйшимъ образомъ связанъ съ мышленіемъ человѣка, что явленія, составляющія языкъ,—двойственнаго характера: духовнаго (психическаго) и тѣлеснаго (физическаго) вмѣстѣ.

Ясно поэтому, что наука о языкѣ, по самому предмету своего изученія, является наукой гуманитарной, относится къ числу историко-культурныхъ наукъ или наукъ, изучающихъ исторію человѣческой культуры.